

Интервью диакона Андрея Кураева журналу «Вслух»

Ольга Севастьянова: отец Андрей, по-вашему, почему так сложно и трудно происходила канонизация царской семьи?

О. Андрей Кураев: То, что она происходила сложно и трудно, это мне кажется абсолютно естественным. Слишком необычны были обстоятельства последних лет жизни русского императора. С одной стороны, в церковном понимании, император – это церковный сан, это епископ внешних дел церкви. И, конечно, если епископ сам складывает с себя свой сан, то это вряд ли можно назвать достойным деянием. Вот с этим были связаны основные трудности, прежде всего сомнения.

О.С. То есть, то, что царь в свое время отрекся, говоря современным языком, пошло не на пользу его историческому имиджу?

А.К. Безусловно. А то, что канонизация все-таки состоялась... Церковная позиция здесь была вполне ясная: канонизирован был не образ правления Николая Второго, а образ его смерти, если хотите, ухода с политической арены. У него ведь были все основания для того, чтобы озлобиться, остервениться, последние месяцы своей жизни, находясь под арестом, кипеть злобой и обвинять всех и вся. Но ничего этого не было. У нас есть его личные дневники, дневники членов его семьи, воспоминания охранников, слуг, и, мы видим, что нигде нет ни тени желания отомстить, мол, вернусь к власти и всех вас припластаю. Вообще иногда величие человека порой определяется величиной понесенных им утрат.

У Бориса Пастернака были такие строчки о великой эпохе, «о жизни бедной на взгляд, но великой под знаком понесенных утрат». Представьте, на улице в толпе мы видим незнакомую женщину. Я смотрю – женщина как женщина. А вы мне говорите, что она перенесла страшное горе: у нее в пожаре погибли трое детей. И только эта беда способна выделить ее из толпы, из всех похожих на нее, и возвысить над окружающими. Вот точно также и с царской семьей. В России не было другого человека, который потерял бы больше, чем Николай Александрович Романов в 1917 году. По сути, тогда он уже был властелином мира, хозяином страны, которая практически выиграла Первую Мировую войну. А царская Россия её, несомненно, выиграла и становилась державой номер один в мире, а у императора были большие замыслы, среди которых, между прочим, было отречение от престола, как это ни странно. Есть свидетельства, что он говорил очень доверенным людям, что хотел бы ввести в России конституцию, парламентскую монархию, передать власть своему сыну Алексею, но в условиях войны он попросту не имел на это права. Так он считал в 16-м году. А затем события потекли несколько иначе. В любом случае, образ страстотерпца оказывается очень христианским. Кроме того, когда речь идет о нашем отношении к последнему императору, надо учесть символизм церковного восприятия мира.

О.С. А в чем символизм?

А.К. XX был страшным веком для русского христианства. И нельзя из него уйти, не подведя каких-либо итогов. Поскольку это был век мучеников, в канонизации можно было идти двумя путями: попробовать прославить всех новомучеников, говоря словами

Анны Ахматовой, «хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список и всех не узнать». Или канонизировать некоего Неизвестного солдата, почитать одну безвинно расстрелянную казачью семью, а вместе с нею миллионы других. Но этот путь для церковного сознания, наверное, был бы слишком радикальным. Тем более, что в России всегда существовало некое тождество «царь-народ». Поэтому, учитывая, что царская семья могла бы опять же сказать о себе словами Анны Ахматовой:

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл -
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ к несчастью был....*

канонизация царя-страстотерпца – это канонизация «Ивана стотысячного». Здесь есть еще особый обертон. Попробую объяснить это почти личным примером.

Допустим, я был в гостях в другом городе. Гостил у батюшки. Затем у нас возникла с этим батюшкой горячая дискуссия: чья водка лучше – московского производства или местного. Мы нашли консенсус, только договорившись идти путем проб и ошибок. Попробовали, подегустировали, сошлись, в итоге, что обе хороши, а затем, перед сном, я вышел прогуляться в город. Тем более, под окнами батюшки был городской парк. А батюшка не предупредил меня, что под окнами по ночам сатанисты собираются. И вот вечером я в сад выхожу, а сатанисты смотрят на меня и думают: экого тельца упитанного нам наш владыка в жертву послал! И меня убивают. И вот вопрос: если со мной произошло нечто подобное, причем, подчеркиваю, сам я не стремился к мученической смерти, был не очень духовно готов, водку подегустировал и вот так вот встретил свою смерть, для определения моей посмертной судьбы на Божьем суде, будет ли иметь значение то, во что я был одет в этот день? Светская реакция: какая разница, во что одет, главное, что в сердце, в душе и так далее. Но я считаю, что в этом случае гораздо важнее, какая была одежда. Будь я в штатской одежде в этом парке – это была бы «бытовуха». А если бы я шел в церковной одежде, то люди, которых я лично не знаю, у которых нет лично ко мне никаких претензий, они на меня выплеснули ту ненависть, которую они питают к Церкви и ко Христу. В таком случае получилось, что я за Христа пострадал. Вот то же самое и с царской семьей. Пусть юристы спорят между собой, был ли Николай Александрович Романов в 18 году царем или просто частным лицом, полковником в отставке. Но, в глазах тех людей, что стреляли в него, он, безусловно, был императором. И они потом всю жизнь писали мемуары и рассказывали пионерам про то, как убили последнего русского царя. Поэтому для Церкви очевидно, что этот человек- мученик за нашу веру, равно как и его семья.

О.С. И семья тоже?

А.К. Аналогично. Можно правителю России Николаю Второму предъявлять какие-то политические претензии, ну а дети тут при чем? Более того, в 80-х годах раздавались голоса, что, мол, давайте хотя бы детей канонизируем, они-то в чем виноваты?

О.С. В чем заключается святость мученика в церковном понимании?

А.К. Святость мученика – это святость особая. Это святость одной минуты. В истории церкви были люди, например, в древнем Риме, когда на арене устраивали театрализованную казнь, в ходе которой на полном серьезе казнили христиан. Выбирают самого поганого шута и по ходу действия другой шут, в одежде священника его крестит. И вот когда один шут крестит другого и произносит эти священные слова: «крещается раб Божий во имя Отца и Сына и Святаго Духа». И когда после слов молитвы на шута, изображавшего христианина, действительно снизошла благодать, и он стал повторять, что увидел Бога, что христианство истинно, трибуны сначала смеялись,

а потом, поняв, что это не шутка, шута убили. И он почитается как мученик... Поэтому святость мученика – нечто иное, чем святость преподобного. Преподобный – это монах. И вся его жизнь берется во внимание. А для мученика – это некий фотофиниш.

О.С. А как Церковь относится к тому, что в разные века возникали всякие лже-Анастасии?

А.К. Для православного человека это спекуляция на святине. Но, если бы это было бы доказано, то Церковь признала бы. Подобный случай в истории Церкви был, правда, связанный не с царскими именами. Любопытный православный человек знает историю с семью отроками эфесскими, которые прятались от гонений императора Юлиана в пещерах, где впали в летаргическое состояние и проснулись лет через 150. Когда они вышли из пещер, по тому, что они говорили, стало понятно, что эти дети чудесным образом пропустили полтора сотни лет. Для Церкви никогда не было проблемой принять в число живых людей, считавшихся умершими. Причем, именно не воскресшими, но умершими. Потому что были случаи чудесного воскресения, а тут человек пропал, считался погибшим, а через какое-то время появился вновь. Но, для того, чтобы это произошло Церковь будет ждать подтверждения со стороны именно светской науки, светских экспертиз. У буддистов такие вопросы решаются легче. У них считается, что душа умершего далай-ламы перевоплощается в ребенка, в мальчика, детям показывают игрушки и если какой-нибудь двухлетний мальчик вместо блестящей погремушки вдруг потянется к старой чашке прежнего далай-ламы, то считается, что он узнал свою чашку. Так что у Православной Церкви более сложные критерии.

О.С. То есть, возникни сейчас столетняя старушка и скажи, что она царица, ее бы долго повержали на нормальность, но всерьез бы отнеслись к такому заявлению?

А.К. Безусловно. Но, я думаю, что генетической экспертизы было бы достаточно
О.С. А как вы относитесь к истории с «екатеринбургскими останками»?

А.К. Это то, что погребено в Петропавловском соборе Петербурга, останки, найденные в Екатеринбургской области? С точки зрения государственной комиссии, которую возглавлял Борис Немцов, это останки царской семьи. А церковная экспертиза этого не подтвердила. Церковь попросту не участвовала в этом погребении. Притом, что сама Церковь не располагает никакими останками, она не признает, что те кости, которые погребены в Петропавловском соборе, принадлежали царской семье. Церковь выразила

в этом свое несогласие с государственной политикой. Причем, не прошлой, а нынешней.

О.С. Правда ли то, что до царской семьи у нас очень давно никого не канонизировали?

А.К. Нет, я бы так не сказал. Начиная с 1988 года были канонизированы Андрей Рублев, Ксения Петербургская, Феофан Затворник, Максим Грек, грузинский поэт Илья Чавчавадзе.

О.С. А были случаи канонизации, связанные с Великой Отечественной Войной, блокадным Ленинградом?

А.К. Нет, как ни странно, пока я такого все-таки не встречал. Все-таки мученик, это не тот, кто принес себя в жертву, пусть даже религиозно мотивированную, погиб страшной смертью, безвинно пострадал. Это тот, кто стоял перед ясным выбором: вера или смерть. В войну у людей в большинстве случаев такого выбора не было.

О.С. Неужели у царя был кардинальный выбор?

А.К. Это один из самых сложных вопросов канонизации. К сожалению, до конца неизвестно, до какой степени он был влеком, в какой мере что-то от него зависело. Другое дело, что он ежеминутно был в состоянии выбрать, питать свою душу мстью или нет. Есть и еще один аспект этой ситуации. Церковное мышление – мышление прецедентное. То, что произошло когда-то, может служить примером для подражания. Как объяснить людям это, чтобы они не брали с него пример? Это действительно сложно. Представьте себе: обычная директриса школы. Она обратилась в Православие и пробует детишек в своей школе воспитывать соответствующим образом. Экскурсии в православные паломничества превращает. Приглашает батюшку на школьные праздники. Выбирает православных педагогов. Это вызывает недовольство части учеников, родителей, преподавателей. А потом и вышестоящего начальства. И вот ее приглашает к себе какой-нибудь депутат и говорит: «знаете, жалоба на вас. Нарушаете закон о светском образовании, священника приглашаете. Поэтому знаете, чтобы сейчас обошлось без скандала, напишите сейчас заявление о своем увольнении, за школу не переживайте, вот Сара Исааковна стоит, она прекрасно понимает, как надо воспитывать русских детей, а как их не надо воспитывать. Она на ваше место будет назначена, а вы подпишите отказ от должности. Что делать этой директрисе? Она православный человек, она не может так просто отказаться от своих убеждений. Но, с другой стороны, она помнит, что был человек, который смиренно отдал власть. И детей будет учить Сара Исааковна, которая их воспитает в лучшем случае – в светском варианте, в худшем – просто в антихристианском. Поэтому я считаю очень важным здесь

пояснять, что в случае с императором это было бы юродство.

О.С. Как это?

А.К. Юродивый – это тот человек, который нарушает законы церковные и светские ради того, чтобы исполнить волю Бога. В ту минуту очевидно воля Бога была в том, чтобы Россия прошла тем крестным путем, которым должна была пройти. При этом каждый из нас все-таки не должен подталкивать Россию на этот шаг. Проще говоря, если есть воля Божия, то надо быть готовым исполнить ее самым неожиданным образом. И еще надо помнить, что юродство и сиротство, в данном случае – юродство, закона не отменяет. Закон понятен: должность императора в том, что ему вручается меч, чтобы он силой государственного меча защищал свой народ и свою веру. И задача императора не складывать меч, а хорошо уметь владеть им. Мне, по-церковному и по-мужски, гораздо ближе в этом случае император Константин XII, последний византийский император, который, когда турки в 1453 году уже проломили стены Константинополя, снял с себя царские регалии, остался в одежде простого солдата и, с мечом бросившись в самую гущу противников, нашел там свою смерть. Мне гораздо понятнее такое поведение, чем отречение, отказ. Так вот поведение императора Константина – это закон, это норма. Поведение императора Николая – это юродство.

О.С. Ну, на Руси много было всяких блаженных, но чтобы так...

А.К. Те были нищие. А это царь.

О.С. А для церкви что-нибудь значит время? Ведь прошло много лет, сменились поколения...

А.К. Именно это многое означает. Более того, канонизация не может состояться ранее 50 лет, чтобы отстоялась память.

О.С. □ А что касается самой процедуры канонизации – это большая ответственность

для того, кто принимает это решение?

А.К. Решение принимает Собор, то есть все епископы. Не только Россия, но и Украина, Белоруссия, Молдавия, Средняя Азия... Дискуссии о канонизации были и на самом Соборе

О.С. Значит, царскую семью просто внесли в какие-то специальные списки или были еще процедуры?

А.К. Нет, было еще благословение иконы, молитвы... Это очень важно, потому что в начале 90-х уже появились другие молитвы, и литературно, и богословски совершенно безграмотные.

О.С. Я слышала выражение «ненамоленная икона». Можно ли считать икону с изображением царской семьи «намоленной»? Как к ней относятся верующие?

А.К. Допустим, церковь такого выражения не знает. А икона уже стала привычной и в домах и в храмах. К ней обращаются самые разные люди. Канонизация царской семьи – это канонизация семьи, это очень хорошо, потому что у нас в святцах почти нет святых семейств. Здесь важно именно то, что это многодетная семья, о которой мы много знаем. Поэтому многим людям дорога именно вот эта вот семейственность.

О.С. А Церковь действительно верит, что в этой семье все было гладко и правильно?

А.К. Сколько бы не было мнений, в супружеской неверности вроде никто никого не обвинял.

С диаконом Андреем Кураевым беседовала Ольга Севастьянова.

